

**Стереотипы поведения в героическом эпосе алтайцев и бурят
(на примере мотива встречи богатыря и невесты)**

Аннотация. Автор статьи на материале 20 русскоязычных переводов бурятских сказаний и 13 алтайских выявляет стереотипы поведения, отражённые в мотиве встречи главного героя с невестой. Под этническим стереотипом понимается программа поведения, стандарт, устойчивая форма, образец.

В качестве общей черты алтайского и бурятского эпоса отмечается представление об экзогамии как социальной норме и представление о суженой невесте, предназначенной судьбой от рождения. Видимо, данные представления более устойчивы, так как входят в систему традиционных ценностей алтайцев и бурят.

Анализ выявил в эпосе бурят отражение трёх форм брака – брак по сватовству, брак-похищение и брак «убёгом». Выявлена зависимость поведения персонажей от изображённой в тексте формы брака. Обозначены три стереотипа поведения главного героя: этикетный, стереотипы «охотник» и «ведомый».

В алтайских сказаниях нашли отражение такие типы заключения брака, как брак по сватовству, брак-похищение, «невеста в дар», а также три примера обретения невесты, которые не оформились в особый тип и требуют дальнейшего исследования. В целом, в алтайском эпосе представлено большее количество видов браков, чем в бурятском, однако описание их занимает намного меньше места в сюжете сказаний, иногда ограничиваясь просто констатацией факта нахождения жены. Это объясняется тем, что тесть и сама невеста отходят в алтайских текстах на задний план, а в центре внимания – герой и его подвиги.

Обнаружены различия в поведении и второстепенных персонажей, фигурирующих в брачных эпизодах. Во-первых, отличия касаются отношения героя к роду невесты. Если у бурят невеста происходит из чужого, но не вражеского рода, то в алтайских текстах род невесты оказывается враждебным настолько, что герою, даже пройдя брачные испытания, приходится убивать тестя и забирать невесту в качестве трофея. Во-вторых, богатырь в улигерах чаще всего убивает всех родственников поверженного врага, истребляет народ, разоряет хозяйство. Герой же алтайского эпоса может жениться на вдове или сестре противников, чтобы тем самым оформить мирный договор с врагами.

The article deal with ethnic stereotypes of behavior reflected in the motif of the protagonist meeting with the bride in Buryat and Altai epos. A treatment was made on 20 translations of folk epics from Buryat into Russian and 13 translation of the folk epics from Altai into Russian. Ethnic stereotype is understood as a program of behavior, standard, stable form, sample.

General particularity of the Altai and Buryat epic is an idea of exogamy as a social norm and the idea of the intended bride. Apparently, these conceptions are more stable being included in the traditional values of the Altai and Buryat.

The analysis revealed in the Buryat epic the reflection of three types of marriage – marriage by matchmaking, marriage by capture and marriage by “escape”. The dependence of the behavior of the characters from the type of marriage represented in the text is revealed. Three stereotypes of the behavior of the protagonist are revealed. There are etiquette stereotype, stereotypes of “hunter” and stereotypes of “slave” / “passive”.

In Altai epics types of marriage by matchmaking, marriage by capture, “the bride as a gift” are reflected. Three examples of finding a bride which have not formed a special type, require the further investigation.

In general, in the Altai epic more kinds of the marriages are represented than in Buryat epic, but their description takes up much less space in the epic plot. Sometimes description is limited to just a statement of the fact of finding a wife. This is explained by the fact that the bride and her father in Altai epics fade into the background and in the center of attention are the hero and his exploits.

Differences in behavior of the minor characters are appeared in marriage episodes. First, the differences relate to the relationship of the hero to the bride’s kin. If Buryat bride comes from a stranger, but not hostile kin, then Altai bride’s kin is so hostile that the hero even after he had gone marital tests has to kill father-in-law and pick up the bride as a trophy. Secondly, the hero in uliger often kills all relatives of the defeated enemy and ravages the estate. The hero of the epic Altai may marry a widow or sister of the opponents to thereby arrange a peace treaty with the enemy.

Ключевые слова: эпос, улигер, заключение брака, героическое сватовство, невеста, стереотип поведения, ценности.

Epos, uliger, marriage, matchmaking, bride, stereotype of behavior, values.

УДК: 398.224(512):392.5.

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Институт филологии СО РАН, сектор фольклора народов Сибири. Тел./факс: (383)330-14-52; +7-903-934-27-96. E-mail: sibfolklore@mail.ru; alina@nskbiz.ru.

Фольклор является важной частью культуры любого народа не только ввиду его художественной составляющей, но и потому, что именно в нём закрепились формировавшаяся в течение многих столетий система ценностей этноса. Исследователи фольклора давно заметили, что эпос в художественной форме транслирует механизмы этнической идентификации. В частности, этнопсихологи обращаются к фольклору как к «бездонному первичному материалу» для исследования воздействия этнического фактора на систему ценностных ориентаций [Сикевич 1999: 201].

В нашем исследовании героические сказания алтайцев и бурят рассматриваются как источник для выявления стереотипов поведения традиционного общества. Под этническим стереотипом мы будем понимать, вслед за социальными философами, программу поведения, стандарт, устойчивую форму, образец. «Этнические стереотипы, – как считает И.Н. Дашибалова, – являются инструментами передачи от поколения к поколению социального и нравственного опыта этноса, и как таковые они аккумулируют поведения, нормы, обычаи и ритуалы» [2006: 28]. При этом не следует забывать, что героический эпос – поэтическое произведение, лишь опосредованно передающее народное миропонимание, а не зеркально отражающее реальные исторические события. Стереотипы поведения проявляют себя в таких сюжетобразующих мотивах эпоса, как выезд героя из родного края, встреча с богатырским конём, встреча с невестой, битва с врагами, возвращение домой. Цель данной статьи – выявить стереотипы поведения, отражённые в мотиве встречи главного героя с невестой.

Добыча невесты является одной из центральных тем героического эпоса тюрков и бурят Сибири. В указателе Ю.Е. Берёзкина эта тема вошла в раздел К27Ф «Добыть брачного партнера» [Берёзкин], в «Указателе типических мест героического эпоса народов Сибири» [Кузьмина 2005] она вошла в раздел II А. 20 «Героическое сватовство».

Среди рассмотренных нами 20 русскоязычных переводов бурятских сказаний (улигеров) тема поиска невесты богатырём представлена в 15 текстах (частотность 0,75). Из 13 алтайских текстов тема поиска невесты воплощена лишь в 7 (частотность 0,53).

Акцент в мотивировке поиска невесты у алтайского и бурятского богатырей отличается. Если алтайский герой говорит о важности просто найти жену, то бурятский подчёркивает стратегическую цель брака – иметь потомство, продолжить род. Например, в алтайском сказании «Алтай-Бучый»: «*Кийик болзо, туктү болор / Кижги болзо, зитү болор (Зверь всегда с шерстью бывает, / Мужчина всегда подругу имеет)*» [Алтай-Бучый 1962: 114]. В эпосе «Бойдон-Кёкшин»: «*Эр бүдөрдө каат алатан / Кыс бүдөрдө эрге баратан (Мужчина рождается, чтобы жениться, / Девушка рождается, чтобы выйти замуж)*» [Бойдон-Кёкшин 2011: стк. 878–882]. В бурятских сказаниях: «*Гагсал хүүхэндаа / Хүүн болхо ёһо угээ, / Гагсал сусалдаа / Галхай болхо ёһо угээ... (Один человек / Рода не продолжит, / Одной головешкой / Огонь не разжечь...)*» [Абай Гэсэр-Хубун 1966: стк. 10610]. Ещё пример: «*Үртэ хүүн хосорхобэйма байна гэжи / Өндөһото модон хатхабэймэ гэжи (Человек с потомством не пропадает, говорят, / Дерево с корнями не засыхает, говорят)*»²¹ [Алтан Шагай 2000: 38].

Отметим, во-первых, что невеста героя – всегда суженая, предназначенная судьбой. Это обстоятельство подчёркивает главный герой алтайского эпоса «Кан-Алтын»: «*Эргекчеде эптешкен / Эш-нөкөрим сен – тийт, – / Калбакчада канзашкан / Кайран эжим Алтын-Тарга – тийт (Соединены мы, когда с большой палец были / [С тех пор] ты – спутница-подруга моя, – говорит, – / Смешали [нашу] кровь, когда ее в нас с ложку было, / [С тех пор ты], Алтын-Тарга, милая супруга мне, – говорит)*» [Кан-Алтын: стк. 2340–2343]. В бурятском улигере «Еренсей» герой так описывает невесту: «*Заяан ехэ заяашаһаан, / Хаматала байналби, / Заяан сагаан тэнгэриһээн / Хаматала байналби (От самого мира сотворения / Я вместе с тобой / От самого белого тенгрия Творца)*» [Еренсей 1968: стк. 4784–4787]. Возможно, представление о предназначенной невесте явилось отражением обычая обручения малолетних детей, по мнению этнографов, существовавшего у бурят [Басаева 1974: 24].

²¹ Перевод уточнён нами.

Во-вторых, за невестой необходимо ехать в чужую землю, так как будущая жена должна быть из другого рода. По мнению Е.М. Мелетинского, «в эпосе дана гиперболическая героизация ортодоксального брака: брак всегда экзогамен» [1963: 266]. Причина брачной поездки именно за «далёкой» женой может иметь две интерпретации: социологическую и мифологическую. Первая подразумевает установление экзогамии как социальной нормы (жена-иноземка) [Жирмунский 1962: 107], вторая отражает мифологический сюжет добывания культурных объектов в потустороннем мире, а заодно добывание женщины (жена-колдунья из иного мира).

Из вышесказанного вытекает третья характерная черта сватовства героя – обязательность препятствий на пути к невесте, ведь чужая земля опасна, коварна и полна недоброжелателей. Добыча невесты и в алтайском, и в бурятском эпосе воспевается как героический подвиг, трудности походов гиперболизируются.

Эпосоведы давно заметили в сказаниях признаки архаичных браков. Так, В.М. Жирмунский писал об обычаях материнского рода, браке-умыкании, браке-купле, о разных формах сватовства [1962: 107]. М.П. Хомонов, анализируя язык эпоса «Гэсэр», увидел в нём отражение пережитков древней семьи: эндогамии, экзогамии, полигинии, моногамии, черты матриликального и патриликального браков, пуналуальной семьи [1976: 72–80]. Г.Ф. Миллер [2007: 82–83], а вслед за ним К.Д. Басаева [1974: 24] утверждают, что все эти формы брака действительно существовали у бурят. По данным Р.С. Липец, в кочевническом эпосе Евразии чётко различаются разные формы брака: брак с девушкой, полученной героем в результате «нормального» сватовства (относительно редкий случай); брак с невестой, предназначенной завоевателю против её воли местным побеждённым или уstraшённым властителем (дипломатический брак); брак с захваченной в походе пленницей [1983: 45].

В рассмотренных нами 15 бурятских текстах наиболее полно отразились три формы заключения экзогамного брака: **брак по сватовству, брак-похищение (умыкание) и брак «убёгом» (самокруткой)**. Рассмотрим типичные составляющие эпизодов, в которых представлены эти формы брака.

Согласно нашим наблюдениям, **типичная структура героического сватовства** выглядит так: 1) узнавание героем своей судьбы – жениться на предназначенной свыше девушке, суженой; 2) путь к невесте; 3) добыча невесты; 4) путь домой; 5) возвращение на родину героя. Более детально интересующий нас сюжетный ход «добыча невесты» можно представить так:

- описание богатых земель тестя;
- преобразование героя и реакция окружающих (оборотничество героя стариком или «сопьяком»);
- привязывание коня к коновязи;
- общение с родителями невесты;
- общение с соперниками («трудная задача»);
- общение с невестой;
- общение с народом.

Как ведёт себя богатырь во время сватовства? Он послушно, как велит традиция, выполняет все испытания тестя, а также вступает в контакт с большим количеством персонажей: родителями невесты, соперниками, подданным народом тестя. В отношениях с невестой и соперниками герой демонстрирует себя лидером. Его цель – представить себя перед родом невесты в наилучшем свете, чтобы в итоге получить жену. Этот тип поведения можно назвать **этикетным**. При этом сокрытие персонажем своего истинного имени или облика (богатырь приходит к тестю в облике старика или очень молодого, неопытного и неумелого человека, «сопьяка»), по мнению В.М. Жирмунского, свидетельствует «...о необходимости предохранить себя от дурного глаза, обмануть злых духов, усыпить бдительность богатырей» [1978: 297].

Стереотип поведения при заключении брака путём похищения включает: 1) узнавание способов поимки невесты; 2) оборотничество героя; 3) подозрения невесты по поводу истинного облика жениха; 4) похищение девы; 5) налаживание отношений с семьёй невесты; 6) свадебный пир на родине героя.

Стереотип поведения богатыря в этой ситуации можно обозначить как **«охотник»**. Добыча невесты буквально повторяет процесс охоты на зверя: герой тайно караулит свою «жертву», нападает, присваивает себе. Зоантропоморфность невест (девушка-птица) подчёркивает это сходство.

Данный тип поведения осуждается сказителем как несоответствующий норме: невесту необходимо не украсть, а выкупить. Наглядно это показано в улигере хоринской традиции «Хэедэр Мэргэн», где главный герой за кражу невесты-лебедя был наказан братом девушки. Жена богатыря прямо указывает на неправоту поступка героя: *«Эрэжэ намайе абаа бэйэл ши, / Эрэлхүү бардам байха аргам угы / Хулуужа буляажса абаалиш, / Хүүнэйл ханахада ууралмаар! (Ты меня не просил, не*

сватался, / Не можешь быть гордым и важным, / Взял ты меня, похитив-отобрав. / Любой может разозлиться!)»²² [Хэедэр Мэргэн 1988: стк. 935–940]. Герой в данном случае нарушает принятую очерёдность действий: вместо того, чтобы обратиться к родителям суженой, он самовольно забирает девушку себе в жёны. О главенствующей роли родителей в организации свадьбы пишет этнограф А.Г. Гомбожапов: «...В далеком прошлом буряты понимали калым не как плату за невесту, а как дар за согласие её родителей» [2006: 26].

Стереотип поведения во время брака, который в русской свадебной обрядности называют брак «убёгом», в бурятском эпосе представлен так: 1) встреча героя с девицей; 2) описание красоты девицы; 3) трапеза; 4) брачная ночь; 5) наставление невестой героя о способе прохождения препятствий; б) возвращение на родину героя с женой. Брак «убёгом» встречается в основном в унгинских и хоринских улигерах, где богатырь встречает невесту как бы случайно, по пути на войну. Более того, после победы над врагами герой может отдать одну из своих жён побратиму [Алтан Шагай 2000]. В этом браке активную позицию занимает невеста (часто это небесная дева), которая сама призывает героя, сама женит его на себе, наставляет, как победить врагов. Функция невесты тут совпадает с функцией мудрого помощника. Выполнив предписания, жених успешно справляется с врагами и возвращается домой. Данный тип пассивного поведения героя реализует стереотип поведения «ведомого» и никак не оценивается сказителем.

Следует заметить, что в одном произведении может быть представлено сразу два вида заключения брака: одну невесту герой сватал у её родителей, а другая тайно по собственному желанию ушла с ним сама («Бодхон Харалдай», «Алтан Шагай»); герой пытается добыть одну и ту же невесту умыканием, а потом его заставляют пройти все испытания сватовства («Хэедэр Мэргэн»).

Представим выделенные стереотипы бурятского эпоса в табличной форме:

Стереотип поведения главного героя	Форма брака	Степень активности героя	Степень активности невесты	Оценка сказителем
Этикетный	Сватовство	Пассивно-активен	Пассивно-активна	+
«Охотник»	Похищение	Активен	Пассивна	–
«Ведомый»	Брак «убёгом»	Пассивен	Активна	Нет оценки

Итак, анализ материала выявил в эпосе бурят отражение трёх форм брака – брак по сватовству, брак-похищение и брак «убёгом». Первый оценивается создателями улигеров положительно, он представлен в большинстве текстов эхирит-булагатской традиции. Брак-похищение осуждается сказителем как несоответствующий норме, брак «убёгом» сказитель никак не оценивает. Последние два вида брака представлены в хоринских и унгинских вариантах в единичных примерах. Выявлена зависимость поведения персонажей от изображённой в тексте формы брака. Обозначены три стереотипа поведения главного героя: этикетный, стереотипы «охотник» и «ведомый».

Перейдём к анализу алтайских сказаний, где нами выявлены несколько форм брака.

Сватовство представлено в двух видах. Во-первых, это сватовство, структурно схожее со сватовством в бурятских улигерах: представление свата, прохождение брачных испытаний героем или его заместителем, свадебный пир (алтайский эпос «Кан-Кёклён и Кан-Унути», «Маадай-Кара»). Есть примеры, где сватовство усложнено: ещё до брачных испытаний герою приходится трижды послать свата к тестю («Когутэй»). Во-вторых, сватовство, прошедшее с нарушениями с обеих сторон. Так, в «Алтын-Бизе» посланный героем сват злоупотребил алкоголем, оскорбил отца невесты, за что был убит. В результате герой в отместку убил тестя. На этом нарушения не закончились: братья невесты отравили героя, а затем оживлённый конём богатырь убил их. Только после всех перипетий герой смог забрать невесту себе.

Брак-похищение. В имеющихся в нашем распоряжении алтайских текстах выявлено два типа брака-похищения. В тубаларском «Алтай-Буучай» и телеутском «Алтай-Буучый» богатырский конь крадёт небесную деву для исцеления героя или его сына, а в финале девушка становится женой спасённого ею батора. В сказании «Кан-Кёклён и Кан-Унути» герой похищает сестру противников для того, чтобы использовать её в качестве приманки для врагов. Таким образом, в алтайском эпосе похищение невесты представлено не только как результат охоты за небесной девой, как это было в улигерах, но и как результат военной операции. Следовательно, можно выделить два стереотипа поведения персонажа в эпизодах заключения брака путём похищения: «охотник» и «воин».

²² Перевод уточнён нами.

Брак «невеста в дар». Хан посылает свою дочь в жёны богатырю, которого девушка оживила («Эр-Самыр»). Вместо брачных испытаний богатырь обеспечивает победу мужчинам рода невесты. В финале сама девушка выступает в роли награды за помощь («Кан-Алтын», «Кан-Кёклён и Кан-Унути»).

Ещё один пример, связанный с брачной тематикой, представлен в эпизоде советования девушки-ханши со своим народом. В отличие от бурятских сказаний, где девушка может стать женой либо после публичных брачных испытаний, либо сразу после знакомства с женихом самовольно уйти с ним, в алтайском эпосе там, где нет брачных испытаний, девушка вначале спрашивает разрешения выйти замуж у своего народа. Одобрение коллектива перед совершением важного поступка – традиционная черта сибирского эпоса (ср. наречение именем в бурятском эпосе).

Другой способ получить невесту – обменять её на что-нибудь. Например, герой сказания «Кан-Кюлер» не стремился найти невесту, но во время переговоров с противниками об условиях заключения мира решил включить девушку в список требований. «Не следует забывать, – пишет Р.С. Липец, – что в исторической действительности женщины были одной из основных частей военной добычи», добавляя, что овладение жёнами и дочерьми побждённых служило стремлению закрепить свою победу [1983: 47].

Есть примеры, где тема поиска невесты свёрнута до одного предложения, невеста выступает как данность, сказитель только констатирует факт её появления. Это уникальный по сравнению с улигерами случай. По мнению С.С. Суразакова, женитьба героя необходима в эпосе как воплощение традиционного эпического представления, согласно которому ни один богатырь не должен быть оставлен без жены [1962: 34]. Например, персонажи сказания «Когутэй» сообщают, что герой поехал за невестой, следующий эпизод – возвращение героя в родной край уже с невестой, свадебный пир. А в эпосе «Эр-Самыр» герой после одоления врага оставляет править хозяйством сестру убитого противника. В финале эта девушка неожиданно становится женой богатыря.

Подведём итоги. В алтайском эпосе представлено большее количество типов браков, чем в бурятском, однако описание их занимает намного меньше места в сюжете сказаний, иногда ограничиваясь просто констатацией факта нахождения жены. Количество алтайских текстов, где тема поиска невесты богатырём вообще не отражена, превышает количество бурятских. По свидетельству С.С. Суразакова, в алтайском эпосе даже в рассказе о женитьбе богатыря в центре внимания – герой и его подвиги, а тещи и даже сама невеста отходят на задний план. Назначение этих персонажей – быть стимулом для свершения героических подвигов богатыря [Суразаков 1962: 69]. Действительно, даже во время разворачивания мотива героического сватовства алтайский герой ведёт себя в первую очередь как воин. Если главной задачей богатыря в улигерах является защита родовой территории и продолжение рода (что типично для архаичного эпоса), то задача богатыря в алтайском эпосе – борьба с претендентами на имущество героя-хана. Образ невесты (не жены!) в алтайских сказаниях так лаконично очерчен, вплоть до простого называния имени девушки, что говорить об особенностях поведения её не представляется возможным. Более детально описаны отношения героя с женой, которая выступает как советчица, вестница, целительница, хранительница обычаев, в том числе воинских.

Анализ материала обнаружил различия в поведении и второстепенных персонажей, фигурирующих в брачных эпизодах. Во-первых, отличия касаются отношения героя к роду невесты. Если у бурят невеста происходит из чужого, но не вражеского рода, то в алтайских текстах род невесты оказывается враждебным настолько, что герою, даже пройдя брачные испытания, приходится убивать тещу и забирать невесту в качестве трофея. Во-вторых, богатырь в улигерах чаще всего убивает всех родственников поверженного врага, истребляет народ, разоряет хозяйство так, чтобы камня на камне не осталось. Герой же алтайского эпоса может жениться на вдове или сестре противников, которые после заключения брачной сделки становятся побратимами герою («Эр-Самыр», «Кан-Кюлер»). Такой брак является не целью героя, но следствием примирения двух родов, невеста – награда, плата за мир. Цель заключения брака здесь не столько в продолжении рода, сколько в окончании войны, так как, став родственниками, персонажи уже не должны продолжать враждовать: *«Эмди бис төрөгө болдыбыс / Жазына бис нөкөр болдыбыс. / Алтайгарга барын, / Амыр-энчү жадыгар – деити. / Кандый бир жуу чак келзе, бисти алдыр – деити (Теперь мы стали роднёю. / Навеки друзьями будем. / На Алтай свой вернулись, / Мирно-спокойно живите – сказали они. / А когда война или несчастье случится, позовите нас на помощь...)»* [Кан-Кюлер 2011: стк. 1781–1785]. При этом есть примеры, когда герой в алтайском эпосе отказывается жениться на вдове своего врага («Маадай-Кара»), не хочет называть невесткой девушку, посланную с приданым вслед за его братом («Эр-Самыр»). Эти примеры требуют отдельного рассмотрения.

В качестве общей черты алтайского и бурятского эпоса можно отметить представление об экзогамии как социальной норме и представление о суженой невесте, предназначенной судьбой от рождения. Видимо, данные воззрения более устойчивы, так как значимы для обоих этносов, входя в их систему традиционных ценностей.

- Абай Гэсэр-Хубун.* Улан-Удэ, 1966. Ч. 2: Ошор Богдо и Хурин Алтай.
Алтай-Бучый (Теленгитский вариант А.Г. Калкина) // Суразаков С.С. Героическое сказание о богатыре Алтай Буучае: Исследование и тексты. Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 1962. С. 79–123.
Алтан Шагай // Шаракшинова Н.О. Улигеры бурят. Улан-Удэ, 2000. С. 9–82.
Басаева К.Д. Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят. Улан-Удэ, 1974.
Берёзкин Ю.Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения 02.02.2014).
Бойдон-Кёкшин // Сказитель Николай Улагашев. Алтайские героические сказания. Тексты и переводы (к 150-летию выдающегося алтайского сказителя). Горно-Алтайск, 2011. С. 97–165.
Гомбожапов А.Г. Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX–XX в. Новосибирск, 2006.
Дашибалова И.Н. Проблемы этнической стереотипизации бурят в ценностном аспекте. Улан-Удэ, 2006.
Еренсей. Улан-Удэ, 1968.
Жирмунский В.М. Народный героический эпос. М.:Л., 1962.
Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1978.
Кан-Алтын // Алтайские героические сказания. Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, 1997. С. 296–553 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).
Кан-Кюлер, именуемый коня Кара-Кюрена // Сказитель Николай Улагашев. Алтайские героические сказания. Тексты и переводы (к 150-летию выдающегося алтайского сказителя). Горно-Алтайск, 2011. С. 169–261.
Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Новосибирск, 2005.
Липец Р.С. «Завоеванная женщина» в тюрко-монгольском эпосе // Фольклор и историческая этнография. М., 1983. С. 42–74.
Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса (Ранние формы и архаические памятники). М.: Наука, 1963. 462 с.
Миллер Г.Ф. Проблемы брака и семьи у коренных народов Сибири // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 80–91.
Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений: Учеб. пособие. СПб., 1999.
Суразаков С.С. Героическое сказание о богатыре Алтай Буучае: Исследование и тексты. Горно-Алтайск, 1962.
Хомонов М.П. Бурятский героический эпос «Гэсэр». Улан-Удэ, 1976.
Хэедэр Мэргэн // Улигеры хори-бурят. Улан-Удэ, 1988. С. 82–142.

Проблемы перевода и систематизации

Ю.В. Лиморенко

Перевод фольклорных образцов на русский язык: общие наблюдения

Аннотация. Статья посвящена последовательности работы над научным переводом фольклорных произведений и описанию основных проблем, встающих в процессе такого перевода. Во введении обсуждаются требования к профессиональной подготовке переводчика, а также преимущества, которые может давать переводчику его принадлежность к исследуемой культуре. Далее описаны основные процедуры перевода. Они включают, во-первых, полное знакомство с текстом и изучение контекста, в котором он бытует. Во-вторых, поиск ключевых слов текста, отражающих его тематику, и поиск для них однозначных эквивалентов. Третий уровень работы – это определение жанровой природы текста, которая влияет на стилистику текста, отражаемую в переводе. Далее описываются особенности перевода, связанные с композицией текста и наличием в нём традиционных устойчивых композиционных элементов (общих мест, инициальных и финальных формул). Следующий этап работы – это смысловое членение текста и определение словесных средств выражения этого членения. Последняя процедура перевода – это исследование каждого смыслового блока и поиск эквивалентов для каждого его элемента «сверху» – от уровня предложения до уровня морфем (если это возможно и необходимо).

The paper deal with the order of processing of scientific translation of folklore pieces and with the general problems emerging when performing this kind of translation. In the introduction the criteria of translator's